

Намашвили

1985, 4 дек.

Из блокнота журналиста

ВСТРЕТИЛИСЬ, ЧТОБЫ ВСТРЕЧАТЬСЯ

Когда балетная труппа Азербайджанского театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова собиралась на гастроли в Марокко, было решено пригласить в поездку танцовщика Тбилисского театра имени З. Палиашвили Нугзара Магалашвили, заслуженного артиста Грузинской ССР.

Решение это родилось не случайно: незадолго до приглашения молодой солист грузинского балета сумел создать на сцене своего театра психологически глубокий образ героя известного балета Фикрета Амирова «Тысяча и одна ночь», включенного в ту гастрольную программу бакинцев. Приглашение это объяснялось еще и тем, что у создателя центрального образа балета на азербайджанской сцене не оказалось дублера, а нагрузка на каждого артиста в поездках, как известно, бывает огромная. Н. Магалашвили предстояло выручать коллег...

Успех в роли Шахрияра пришел к Нукри (так называют Нугзара в Грузии) не сразу и не вдруг. Ему предшествовала полугодовая кропотливая работа. Наши земляки, народные артисты Азербайджанской ССР, лауреаты Государственной премии республики Чимназ Бабаева и Владимир Плетнев, в прошлом и сами прославленные танцовщики, которые участвовали в перенесении на тбилисскую сцену балета о сказках Шехерезады, долго присматривались к труппе, к возможностям танцовщиков. Ведь у каждого театра свой стиль, своя манера. И речь могла идти, конечно же, не о механическом перенесении уже готовой постановки.

Нукри, обладавший самобытной исполнительской манерой, оказался податливым и понятливым «учеником». Репетитор В. Плетнев и хореограф Наиля Назирова, поставившая балет, были довольны.

Не стану сейчас останавливаться на подробностях исполнения Н. Магалашвили главной роли в «Тысяче и одной ночи» в состоявшейся на грузинской сцене успешной премьере балета — об этом читателям «Бакинского рабочего» известно из печати тех дней. Но хочется поделиться с ними впечатлениями от совсем недавней и в общем-то случайной встречи с этим талантливым артистом на его родине, в Тбилиси.

...Мы сидим за круглым столом в просторной, полной книг комнате большой квартиры, которую занимает семья Магалашвили в доме на берегу Куры. Перед каждым — чашечка уже остывшего кофе: мы увлеклись фотографиями. Их — несколько объемистых конвертов. Столько же папок с рецензиями. Дело в том, что Нукри родился в семье артистов балета. Его отец, Реваз Магалашвили, народный артист Грузинской ССР, более двух десятилетий солировал в Театре имени З. Палиашвили, радуя своим искусством почитателей балета. Танцовщицей была и мать — Софья Георгиевна. Сейчас Реваз Ревазович — педагог, ведет два класса — кордебалета и солистов. Поэтому на первом плане в семейном архиве теперь — фотографии и рецензии о творчестве сына.

Естественно, речь заходит об образе Шахрияра — героя

балетного произведения Фикрета Амирова. И тут Нукри с особой теплотой заговорил о Владимире Плетневе, педагоге-репетиторе, благодаря которому и удалось ему, грузинскому танцовщику, создать образ, ставший этапным в его творчестве.

Выбирая артиста на роль Шахрияра, Ч. Бабаева и В. Плетнев делали ставку на темперамент молодого исполнителя, на его умение пластическими средствами создать психологически сложный образ героя восточной сказки, ну и, конечно, на отличное владение техникой. Нугзара же в его бакинских коллегах покорили высокий профессионализм и тонкий вкус, богатый личный опыт, наконец, готовность, не считаясь с личным временем, делиться им. А ведь в те дни Владимир Плетнев испытывал нестерпимую боль в ногах: предстояла ампутация...

Период подготовки балетной премьеры в Тбилиси положил начало их дружбе, дружбе единомышленников, приносящей радость и взаимно обогащающей...

Балет уже давно перестал рассматриваться только как искусство танца — это синтез музыки, драматургии. С этой точки зрения, балет Ф. Амирова и Н. Назировой, как считает сам Н. Магалашвили, несомненно, стал для него заметной вехой в творческой биографии, дал большой простор для проявления своих актерских возможностей. Немало способствовала этому и встреча с В. Плетневым, обладателем незаурядного драматического дара. В свою оче-

редь, в Нугзаре Владимир Плетнев и Чимназ Бабаева, волею рока так рано сошедшие со сцены, увидели выразителя их замыслов, их взглядов, почувствовали родство душ.

Много партий, самых разных, самых контрастных, станцевал за двенадцать лет Н. Магалашвили. Но все созданное им в последние три-четыре года словно озарено его встречами с бакинскими коллегами, ставшими большими друзьями дома Магалашвили.

А сделано Нугзаром немало. Избалованный любимец публики торео, а вскоре и переживший душевную драму Хосе в «Кармен-сюите» Ж. Бизе — Р. Щедрина; насмешник и задира Меркуцио в «Ромео и Джульетте» С. Прокофьева; страшный в своей жестокости торговец наркотиками Спортинг Лайф и чуть позже Порги, поэт возвышенной человеческой души, в балете «Блюз» на музыку широко известной оперы американского композитора Джорджа Гершвина «Порги и Бесс», ряд других.

Работая над этими образами, как и ранее, создавая своего Шахрияра, Нукри все время помнил о том, что искусство балета уже давно переросло рамки чисто развлекательного зрелища, что ныне этому жанру, основанному на глубокой идейности содержания и традициях хореографической классики, подвластны и полнокровные, лишенные схематизма характеры, животрепещущие проблемы и глубокая философия. Общение с друзьями-бакинцами как бы углубило понимание этого, что помогало молодому солисту в каждой роли выявить лучшие стороны

своего таланта, точнее передать душевное состояние своих героев.

Медея Немсицверидзе, коллеги и жена Н. Магалашвили, с благоговением произносит имя Чимназ:

— Она вдохнула в меня уверенность...

И, действительно, если для Нукри роль Шахрияра стала все-таки очередной, хотя и значительной вехой в творчестве, то для его милой подруги порученная ей в «Тысяче и одной ночи» партия Нуриды, жены Шахрияра, послужила попросту серьезным толчком, вселившим в нее веру в свои возможности, веру в то, что, приложив усилия, можно привести их в действие.

Как это нередко случается, Медея уже смирилась с положением второй солистки в труппе, и если ей приходила мысль попытаться выступить в главной партии, тут же гнала ее — не осилию. Но Чимназ сказала:

— Ты можешь, у тебя получится...

А раз получится — надо работать. И Медея работала, набираясь опыта и мастерства и, главное, уверенности в себе. И как следствие этого — серьезные сольные партии, вскоре порученные ей. В исполнении М. Немсицверидзе зрители уже увидели Кармен в «Кармен-сюите», Бесс в балете «Блюз» — роли, в которых раскрылось особое обаяние молодой актрисы, ее глубокая эмоциональность.

И сегодня, как каждый день, и Нугзар, и Медея работают и работают: я видела это на репетиции, где мне довелось

побывать. Завтра — спектакль...

А я смотрю и думаю, какое же это счастье для зрителя посмотреть любимый балет, встретиться с любимыми артистами, окунуться в мир красоты, музыки. Словом, в мир, которого мы, бакинцы, уже столько лет практически лишены.

Нет, в служебных помещениях Театра имени М. Ф. Ахундова творческая жизнь продолжается и сегодня. Оставшись по объективным причинам без сценической площадки, артисты не прекращают каждодневной работы над партиями оперного и балетного репертуара. Но, к сожалению, встречи со зрителями, которые питают творчество, у них крайне редки.

А почему? Ведь в нашем городе есть вполне пригодные для балета залы и сцены, есть оперная студия Азгосконсерватории. Балет «Тысяча и одна ночь», показываемый в месяц раз во Дворце им. В. И. Ленина, да и то под фонограмму, увы, вряд ли восполняет потребности нашего зрителя в общении с классическим искусством. Почему бы не сделать более частыми балетные спектакли в этом зале — ведь стал же своеобразной сценической площадкой Большого театра Союза ССР Кремлевский Дворец съездов в Москве! Да и тбилисцы — артисты Театра имени З. Палиашвили — в период ремонта своего театра довольно долгое время работали во Дворце профсоюзов...

Вот на какие мысли навела меня эта интересная встреча...

Э. АЛИЕВА.
ТБИЛИСИ—БАКУ.

БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ
4 АСА 1985
г. Баку